Александра Флид

Прошито насквозь. Торонто. 1930

Александра Флид

Прошито насквозь. Торонто. 1930

«Издательские решения»

Флид А.

Прошито насквозь. Торонто. 1930 / А. Флид — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-747731-8

Голод и безработица отнимают у людей мечты, но настоящая любовь не выбирает удобный момент — она просто приходит и занимает свое законное место.Третья встреча Адама и Евы происходит в разгар Великой депрессии.

ISBN 978-5-44-747731-8

© Флид А.
© Издательские решения

Содержание

1930. Торонто 6
Конец ознакомительного фрагмента. 16

Прошито насквозь. Торонто. 1930
Александра Флид

© Александра Флид, 2016
© Ольга Флид, фотографии, 2016

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

1930. Торонто

При желании к чувству голода можно притерпеться, но привыкнуть окончательно – никогда. Еще хуже, если речь идет о голоде, не имеющем отношения к физическим потребностям. Адам страдал и от того, и от другого. Он и его дети постоянно хотели есть, и это было самым ужасным из всего, что он вообще мог припомнить. Уже семь месяцев у него не было никакой работы. Поначалу они еще держались на старых запасах, но сейчас ему приходилось наниматься чистить улицы и общественные туалеты для того чтобы заработать хотя бы десять долларов. В комнатах напротив жила женщина, которая, как и он, воспитывала своих детей в одиночку. Он даже боялся представить, каково приходится ей, если женский труд оценивается почти в два раза дешевле, чем мужской.

На балконе, где хранился их айс-бокс, лежал слой снега. Снег стелился по перилам, по полу и промерзшей насквозь соломенной подстилке, и даже по крышке самого айс-бокса. То, что на крышке снег был таким же целым и невредимым, как и на полу, выводило из себя больше всего. В айс-бокс, где обычно хранились продукты, уже три дня никто не заглядывал.

Он повернулся к детям, глядя на своих спящих ангелов.

Дебби лежала, обняв одной рукой Мэтью и прижавшись носом к его голове. После того, как умерла их мать, они стали совсем неразлучными, и Адам не знал, как благодарить старшую дочь за то, что она взвалила на себя этот непосильный груз и стала воспитывать брата почти в одиночку. Сам он все время проводил на улице, пытаясь найти работу и вернуться домой не с пустыми руками.

Летом было еще неплохо, да и осенью тоже, но с наступлением зимы все полностью переменилось. Переживать безденежье зимой – совсем не то же самое, что и летом, даже если речь идет о городе. Он вынул из сумки самодельный календарь и посмотрел на разлинованные клетки. Еще весь февраль и март. Может быть, в апреле появится что-то более сносное или он просто наймется куда-нибудь на ферму.

Вообще, найти работу на ферме было бы проще, если бы он был совсем один – насколько он слышал, первые безработные, оказавшиеся почти на улице, нанимались только за еду. Кормить сразу троих за работу одного, никто, понятное дело, не станет. Да и если переехать за город, то где и с кем оставить детей? Дебби всего десять, а Мэтью три. Кому сейчас нужны чужие дети? За детьми смотрят только за деньги, но заработать такую сумму, чтобы хватило на семь дней… Приходилось быть честным хотя бы с самим собой – он не смог бы заработать даже на три или четыре дня.

Дебби сонно завозилась, а потом вздрогнула и проснулась. Как всегда осторожно, чтобы не разбудить брата, она выбралась из кровати и подошла к отцу, чтобы обнять и прошептать:

– Доброе утро, папочка.

От нее до сих пор пахло молоком. Адам вздохнул и обнял ее в ответ:

– Доброе утро, Дебби.

Ей пришлось многое пережить. Она смирилась с тем, что больше не ходила в школу и с тем, что стала сама убираться в доме и приглядывать за младшим братом. В особо неудачные дни Дебби отказывалась от ужина, поскольку знала, что завтра утром Мэтью будет должен позавтракать. В такие дни Адаму хотелось вылезти на крышу и закричать так громко, чтобы его голос долетел до самого Господа. Он не делал этого по трем причинам – первая состояла в том, что он уже не верил в Господа. Вторая – в том, что дети, вероятно, испугались бы, оставшись одни в темной комнате. Третья – накричавшись и сорвав голос, недалеко и заболеть, а это ему было нужно меньше всего.

Дебби надела свои домашние башмачки и отправилась на кухню, чтобы вскипятить воду для завтрака, а заодно и умыться.

Адам с грустью смотрел ей вслед. Ребенок, который еще сам пахнет молоком, не должен брать на себя обязанности взрослого человека и нянчиться с другим малышом.

Через некоторое время он сам поднялся с кресла, надел свитер и присоединился к ней.

На плите стоял ковш с водой, а сама Дебби сновала вокруг стола.

– Что сегодня готовить? – подняв черные ресницы, спросила она.

– Может, поджарить хлеб? – улыбнулся он. – Сиди, я сам справлюсь.

Жареный хлеб был для них обычной едой, причем не только на завтрак. Однако, несмотря на это, Дебби все равно советовалась с ним каждое утро, создавая для себя видимость выбора. Наверное, ей было проще думать, что они едят только постные гренки, потому что сами так хотят, а не потому, что у них больше ничего нет.

Дебби стала смазывать ломтики хлеба маргарином, а Адам зажег плиту и поставил сковороду на огонь. Это был уже привычный для них утренний ритуал.

Через некоторое время по полу зашаркали крохотные ножки Мэтью – он проснулся последним и присоединился к ним на кухне. Когда Адам отвернулся от плиты, чтобы поцеловать сына, Дебби спрыгнула со своего стула и заменила его на посту повара. Она всегда старалась помочь ему, даже если знала, что он может справиться сам. Вероятно, ей хотелось заменить маму, которую их семья потеряла всего два месяца назад.

Адам все еще был сбитым с толку и дезориентированным человеком, которого бросили посреди незнакомого города. Выражение, конечно, было образным – на самом деле он прожил в Торонто почти всю жизнь. Эта квартирка пока что принадлежала им, и хотя бы за это не приходилось переживать – никто не смог бы выселить их отсюда весь ближайший год. О том, что будет после, Адам старался не думать.

Мэтью вскарабкался на свой стул и сложил ручки на столешнице, с любопытством глядя на сестру и отца. Потом провел ладошкой по своей неумытой мордашке и спросил:

– Кто меня умоет?

Дебби передала вилку Адаму, предварительно перевернув наполовину поджаренный ломтик хлеба на сковороде, а затем сняла с плиты ковш с горячей водой и налила немного в эмалированную чашку. Потом она подтащила стул к единственному навесному шкафу и, взобравшись на него, вытащила завернутый в бумагу кусочек мыла и сероватое полотенце. Мэтью уже выпрямился на своем месте, стараясь сохранить спокойное выражение лица. Он совсем недавно научился переносить утреннее умывание без слез и обид, и страшно гордился этим. Адам посмотрел на мыло и вздохнул: совсем скоро придется покупать новое, а денег на это нет. Он даже не знал, сможет ли купить еду на завтрашний день, не говоря о мыле или зубном порошке.

Когда Дебби сливала воду из чашки, Адам уже закончил поджаривать хлеб, и теперь занимался чаем.

«Сегодня мои дети едят хотя бы хлеб, и я должен быть благодарным даже за это», – наблюдая за своими малышами, грустно подумал он.

– Папочка, ты сегодня тоже уйдешь? – глядя на него проницательными черными глазками, полюбопытствовал Мэтью.

– Да, сынок, мне придется уйти.

– Дебби вчера сказала, что сегодня воскресенье. Сегодня никто не работает.

– Я должен уйти, – с тяжелым вздохом сказал Адам. – Но я очень хотел бы остаться.

Через три дня, выгребая из огромной печи золу и разбирая угли, Адам услышал, что на одной из окрестных ферм нужна мужская помощь – под тяжестью снега упала крыша большого свинарника, и ее нужно было восстановить в самое ближайшее время. За срочность и скорость обещали семьдесят пять долларов. Он наскоро вытерся фартуком и выскочил во двор через заднюю дверь.

– Парень, ты чего это? – сегодняшний работодатель с любопытством уставился на него. – Работа закончилась?

Адам сцепил руки и опустил голову, стараясь выглядеть как можно смиреннее:

– Я услышал о том, что вам нужны еще рабочие. Я мог бы вам помочь.

– У тебя же дети, – с сомнением заметил мужчина.

– Да, но я могу оставить их с кем-то другим.

– Смотри сам. Иди и работай, если до сегодняшнего вечера ты себя покажешь с лучшей стороны, тогда я подумаю.

Он лишь кивнул и вернулся к своей печи. Слишком много неопределенности. Удастся ли проработать до конца дня и сохранить шансы на новую работу? Не подыщет ли работодатель кого-нибудь из знакомых? Семьдесят пять канадских – хорошие деньги. С кем он оставит детей? Сколько дней займет работа? Как далеко находится эта ферма?

Адам вытер нос рукавом, стирая с лица черную пыль. Все равно. На семьдесят пять долларов можно прожить две недели. Купить мыло и даже зубной порошок, да и спички тоже – пару коробков. Может быть, удастся выгадать на апельсины для детей. В айс-боксе появится запас еды – на десять долларов можно купить трех цыплят и растянуть их на целую неделю, если правильно варить бульон. И у них будет сколько угодно хлеба.

Если постараться, у него будет семьдесят пять долларов.

К вечеру работодатель заплатил ему семь долларов и присовокупил к этому бесценные слова:

– Приходи завтра. Захвати с собой вещи – тебе придется ночевать там дня три или даже четыре.

Адам поблагодарил его, спрятал деньги в карман и отправился домой – сегодня его путь весьма удачно проходил мимо булочной, и он мог позволить себе купить красивый белый хлеб. Спину ломило от неустанной работы, да и желудок скрутило в жгут от голода – пришлось работать без обеда. Однако надежда на хороший заработок затмевала все эти ощущения и наполняла его радостным предвкушением. Оставалась лишь одна проблема – найти женщину, с которой можно было бы оставить детей.

Дверь ему открыла Дебби. В комнате душной пеленой висел водяной пар, а на кухне дышать было уже практически нечем.

– Мы кипятим полотенца и наволочки, – сообщила Дебби, щеки которой раскраснелись от постоянного пребывания у плиты. – Заходила соседка, она сказала, что так нужно делать, чтобы не заболеть тифом.

– Чем? – всполошился Адам.

– Тифом, – важно повторила Дебби.

Он положил на стол бумажный пакет с хлебом и небольшим кусочком бекона. Дебби все это время усердно делала вид, что ее не интересует содержимое пакета, но когда Мэтью извлек бекон наружу, она почти взвизгнула от восторга:

– Папочка! – засмеялась она. – У нас будет бекон?

– У нас уже есть бекон, – поцеловав ее в макушку, сказал Адам. – А что там насчет тифа?

– Она сказала, что несколько человек из нашего дома уже заболели, и скоро будут болеть все. Так что мы никому не должны открывать двери, и все такое. И еще надо кипятить ложки с полотенцами и наволочками. Хорошо бы и простыни, но у нас нет такой кастрюли.

Адам смотрел на свою повзрослевшую дочь, и его переполняли гордость и печаль. Дебби была такой рассудительной и ответственной – как можно было не гордиться этой замечательной девочкой? Но с другой стороны, он все больше беспокоился о ней и о малыше Мэтью. У них совсем нет детства, а все потому, что их отец не может заработать достаточно денег. Что если Дебби никогда не сможет вернуться в школу, а Мэтью вообще останется неграмотным?

– Ты у меня такая самостоятельная, – сказал он, погладив ее по влажным волосам. – Посидите еще немного одни? Я должен сходить к нашей соседке.

– К той, что сказала про тиф?

– Да, к миссис Дарти.

– А вдруг заразишься? – забеспокоилась Дебби.

У вопроса явно было продолжение, которое утонуло в гнетущей тишине.

«А вдруг заразишься как мама?»

– Я надеюсь, что она еще ничем не болеет, – честно ответил Адам. – Мы все должны на это надеяться. – Он остановился, прежде чем приступить к объяснениям. – Я нашел работу на несколько дней. Мне придется уехать.

– А мы останемся, – добавила Дебби, и ее глаза стали серьезными. – Ты ведь не заберешь нас с собой?

Он кивнул:

– Я не смогу взять вас с собой. Но через четыре или даже три дня я вернусь, и тогда у нас будет много денег. Я смогу побыть с вами пару дней и не ходить на работу.

Дебби опустила голову и задумалась. Пот стекал по ее тонкой шее, но она была настолько погружена в мысли, что ничего не замечала. Глядя на сестру, притих и Мэтью. Через минуту Дебби подняла лицо и твердо сказала:

– Мы справимся сами, папочка. Не переживай за нас, у нас все будет хорошо.

– Спасибо, детка. Я постараюсь найти человека, который мог бы проведывать вас время от времени на случай разных неприятностей, но если не смогу ни с кем договориться, то хотя бы не буду так сильно беспокоиться. Ты уже совсем большая.

Она с гордостью кивнула и вернулась к плите, чтобы помешать булькавший мыльный раствор. Адам покачал головой – на кипячение израсходовался последний кусочек мыла.

Соседка встретила его с улыбкой – у нее пока что проблем было не так много. Она жила одна, и ее пособие еще не отменили. Бездетной вдове этого было вполне достаточно.

– Дебби уже вовсю кипятит полотенца по вашему совету, – сообщил Адам, чтобы задобрить ее.

– Правда? – обрадовалась миссис Дарти. – Она очень хорошая девочка.

– Спасибо, – поблагодарил ее он.

– Ты пришел сказать мне об этом? – понимая, что он поднялся к ней не просто так, спросила она.

– Нет, я пришел попросить вас об одолжении. Я нашел работу на ферме, и должен уехать на несколько дней. Не могли бы вы приглядеть за моими детьми? Им много не нужно – Дебби сама справляется с хозяйством и заботится о Мэтью. Нужно только приходить к ним по вечерам – проверять, все ли в порядке.

Миссис Дарти напустила на себя тоскливый и жалостливый вид.

– Ох, Адам, я была бы рада тебе помочь, но не могу. Ко мне приезжают племянники, и я вряд ли смогу их оставить.

Он не просил ее оставлять племянников. Ему было нужно всего несколько минут ее времени – этого хватило бы, чтобы спуститься на несколько этажей и проведать детей. Однако сейчас он был не в том положении, чтобы уточнять и торговаться.

– Это чистая правда, Адам, – уверяла его она. – Я бы и рада приглядеть за твоими чудными малышами, они ведь у тебя такие славные. Просто я действительно не могу.

Он горько улыбнулся – сегодня у нее нашлось время, чтобы спуститься и поболтать с Дебби. Очевидно, она просто не нашла других слушателей, и зная, что девочка не умеет грубить старшим и захлопывать перед ними двери, воспользовалась этим, чтобы скрасить лишние полчаса за «полезной беседой». В результате перепуганная разговорами о тифе Дебби извела

последний кусочек мыла и заполнила все помещения тяжелым водяным паром. Все из-за этой кошелки, не желающей сделать что-то действительно полезное.

– Не обижайся, пожалуйста, – тем временем попросила его она. – Я могу порекомендовать тебе кое-кого. На самом верхнем этаже живет девушка, у нее недавно умерла мать. Она осталась совсем одна, и скорее всего, скоро потеряет жилье, потому что ей нечем платить. Сходи к ней, она не откажется помочь тебе, если ты пообещаешь немного ей заплатить. Она хорошая и спокойная, правда, не очень разговорчивая. Но разве это страшно? Зато незамужняя и трудолюбивая. Как раз такая, как тебе нужно.

Адам поблагодарил ее за совет и, не медля, отправился по указанному адресу, благо идти пришлось недолго.

За дверью оказалась невысокая черноволосая девушка с большими глазами и бледной кожей. Взгляд выдавал в ней взрослого человека, хотя внешне она все еще походила на ребенка.

– Здравствуйте, – отдышавшись, начал он. – Я ваш сосед, живу двумя этажами ниже. Могу я попросить вас об одолжении?

Девушка посторонилась и пропустила его внутрь, что показалось ему весьма странным – сейчас большинство людей побаивалось впускать незнакомцев. Еще более жутко выглядело то, что она жила одна, и защитить ее было некому.

– О чем вы хотите меня попросить? – без особого интереса спросила она.

– Прежде всего, я должен представиться, – ощущая необычное волнение, улыбнулся Адам.

Она не позволила ему продолжить:

– Я знаю, как вас зовут, и я знаю ваших детей. Поэтому и впустила. Меня зовут Ева.

– Рад познакомиться, – ответил он, протягивая ей руку. Она удивленно посмотрела на него, а затем неохотно ответила на рукопожатие. – У меня есть шанс неплохо заработать, но для этого придется уехать. Дети останутся одни, и я очень о них беспокоюсь. Дебби самостоятельная, но они еще ни разу не ночевали без меня. Вы не могли бы спускаться к ним по вечерам и проверять, не случилось ли чего-нибудь?

Ева показала ему на выстроенные вдоль пустой стены сумки и вздохнула:

– Я не смогу вам помочь, простите. Меня выселяют, я ухожу сегодня же.

Адам выпрямился и застыл, как вкопанный. Еще один отказ. У него так мало времени, завтра утром он должен уехать, а найти нужного человека не удалось. Как же так?

Собственное разочарование на несколько мгновений оглушило и ослепило его, так что он далеко не сразу осознал вторую часть ее слов. Ева все это время стояла рядом с ним, терпеливо ожидая, когда он примет ее отказ и уйдет восвояси.

– Куда вы уезжаете? – не совсем тактично спросил Адам. – Вам есть, куда пойти?

Ева пожала плечами и скрестила руки на груди:

– Нет, пока что мне некуда пойти.

– Но как же…

Он немного растерялся, и ему пришлось обдумывать свои слова еще несколько секунд, перед тем как сказать:

– Послушайте, Ева. Вот мое предложение – вы можете пока пожить у меня. Не бойтесь, завтра утром я уезжаю, и в доме останутся только дети. Вы сможете прожить с ними до моего возвращения. За это время, возможно, вам удастся найти работу или другое жилье. С ними не нужно сидеть круглыми сутками – вы можете уходить днем куда и на сколько захотите. Но если вы согласитесь и пока что переедете ко мне, то наши проблемы решатся. К тому же, вернувшись, я заплачу вам. Лгать не стану, денег будет не очень много, но я не оставлю вашу доброту без…

– Я согласна, – не дав ему договорить, сказала Ева. – Разумеется, я согласна. Кто же откажется от такого предложения?

Адам улыбнулся и еще раз протянул ей руку. Затем он взял две большие сумки и вышел из квартиры, чтобы подождать, когда она закроет двери. Она спустилась на первый этаж, чтобы сдать ключи от своей комнаты, а он принес ее сумки к себе и стал ждать.

Дебби и Мэтью, которые все еще занимались кипячением белья, настороженно смотрели на него, не задавая при этом никаких вопросов. Им было интересно, нашел ли Адам кого-нибудь и откуда у него эти сумки. Он уселся на стул, перевел дух и, стараясь успеть до прихода Евы, сообщил:

– Сейчас к нам придет девушка. Она будет жить у нас, пока я не вернусь.

Дебби замерла на одно мгновение, а потом нахмурилась:

– Я могу сама справиться.

– Я знаю, что можешь, солнышко, – согласился он. – Только по ночам здесь очень опасно.

– У нас крепкая дверь, – возразила она.

– И это правда, – вновь кивнул он. – Но мне все равно страшно. Лучше, если с вами будет ночевать кто-то взрослый.

– А чем мы будем ее кормить?

Адам достал из кармана своей рубашки свернутые банкноты и показал ей:

– Будешь отдавать ей по одной бумажке в день. Она сама знает, что делать.

– А если она уйдет в магазин и не вернется?

– Спрячь ее вещи под кроватью. За своими вещами она обязательно вернется – они стоят больше, чем все эти бумажки вместе взятые, – ответил Адам, сам ненавидя себя за это.

Всего за год жизнь изменилась до неузнаваемости. Год назад ему бы и в голову не пришло, что когда-нибудь он приведет к себе в дом незнакомую женщину и будет говорить дочери, чтобы она спрятала чужие вещи под кроватью. Однако теперь многое стало другим – мир катился к черту, и вынуждал людей поступать так же. О доброте, взаимном доверии и благородстве позабыли как о далекой сказке. Голод и безработица быстро отняли у людей мечты и надежды.

Негромкий стук отвлек его от этих неприятных мыслей. Ева вернулась с бумажным пакетом в руках.

– Купила кое-что, – застенчиво пояснила она. – Раз уж в ближайшие дни мне не придется платить за жилье, решила потратить часть своих денег.

За эти три дня Ева успела очень многое – один день она провела в магазине, заменяя заболевшую продавщицу. Ей заплатили пять долларов, и вечером она вернулась к детям Адама, чтобы честно провести с ними самое опасное время. Дебби смотрела на нее настороженно и даже враждебно, но молчала и вела себя при этом довольно вежливо. Мэтью наоборот, почти сразу же решил, что с Евой можно играть и болтать часами напролет, а поговорить он, как оказалось, очень любил. Когда она умылась и вернулась из кухни, он попросился к ней на колени и стал расспрашивать о том, что она видела на улице. У него не было теплой одежды и подходящей обуви, а потому он целыми днями сидел взаперти. Единственной возможностью глотнуть свежего воздуха для него были пятиминутные сеансы проветривания, когда Дебби открывала форточку. Тогда он взбирался на стоявшее рядом кресло, приподнимался на цыпочки и цеплялся своими пальчиками за деревянную раму, чтобы подтянуться как можно ближе к открытой части окна.

Ева прижала его к себе, и принялась рассказывать о том, что ей удалось запомнить. Излагать было особо нечего, поскольку улицы выглядели уныло и мрачно, а все люди спешили по своим делам, не зная, где еще можно было бы заработать денег. Очень многие выносили свои вещи на продажу, хотя Ева не представляла, кто сейчас мог бы заняться скупкой чужого имущества – ей казалось, что вся страна вмиг обеднела и превратилась в зияющую голодную пропасть. Мальчику знать об этом было ни к чему, и она старалась рассказать об отвлеченных

вещах, чтобы не пугать его. Она говорила о черных дорогах, обочины которых были засыпаны снегом, о машинах и витринах с картинками. За всеми этим словами крылось и нечто иное – некоторые дороги не расчищались, потому что за эту работу никто не платил. Машины встречались все реже, и смотреть на тех, кто сидел внутри тесных салонов, ей хотелось меньше всего – это были богатые люди, которые считались вымирающим видом. Пустые витрины не предлагали ничего кроме этих самых картинок, размалеванных небрежными движениями художников-самоучек.

Мэтью ни о чем подобном не знал, и все ее рассказы казались ему замечательными. Он смотрел на нее доверчивыми глазами и улыбался, пытаясь вообразить все то, что она рассказывала. Глядя на него, Ева чувствовала, как внутри становится теплее, и все дневные невзгоды уже не казались ей такими тяжелыми.

На второй день она также нашла временную работу – взялась за сортировку подержанной одежды в одном из подпольных пунктов торговли. Десять часов без обеда и перерывов прошли в бесконечных разгребаниях чужого хлама. Вещи нужно было разбирать по цветам, фактуре, сезонам и по типам. Запах отсыревшей ткани прочно засел у нее в носу, и она продолжала ощущать эту холодную пыль даже после того, как все закончилось. По дороге домой ей предстояло купить в магазине хлеба или овсянки – еще утром Дебби дала ей два доллара на еду. Она отложила один доллар, чтобы вернуть его малышке. К оставшемуся она добавила пару своих собственных долларов, из тех, что заработала за день.

Ей хотелось только одного – скопить десять долларов, чтобы к возвращению Адама она смогла уйти на отдельное жилье. В том же доме пустовала комната на самом нижнем этаже – это была тесная каморка с заплесневевшими стенами и без электричества, но Ева была бы рада даже такому скромному жилищу. Десять долларов за целую неделю – вполне приличная цена. Она могла бы отдать деньги и начать искать новую работу. Только бы протянуть до зимы, а там будь что будет – весной и летом можно даже ночевать в парках и умываться на улице, если станет совсем худо.

Когда она вернулась, ее ждал сюрприз – Дебби горько плакала, а Мэтью лежал на кровати и не шевелился. Ева бросила сверток с овсянкой и хлебом на стул, и опустилась на колени возле постели.

– Что случилось, малыш? – спросила она, разматывая шарф и расстегивая пуговицы пальто.

– Жарко, – сдвинув брови домиком, пожаловался Мэтью. – А сестра не дает мне спускать одеяло.

Ева оглянулась на Дебби и улыбнулась ей:

– Умница, все правильно, – похвалила ее она. – Давно тебе жарко?

Всхлипывающая Дебби подошла к кровати и ответила за брата:

– Началось в три часа. Это все я виновата! – Она закрыла лицо руками и зарыдала еще сильнее. – Это я недоглядела. Он хотел на улицу… он всегда хотел пойти гулять, но нам нечего надеть, и мы сидим дома. Иногда я надеваю мамины ботинки и выхожу, чтобы вынести мусор. Я забыла закрыть дверь… и он… он выбежал за мной. Босиком.

– Когда? Сегодня утром? – спросила Ева.

– Нет, еще вчера. Я боялась сказать вам, я думала, что вы меня отругаете или вам будет все равно. А сейчас он болеет! Он ведь не умрет? Я не знаю, что сделать. Я не знаю, как ему помочь.

Ева поцеловала ее в лоб и пообещала:

– Все будет в порядке, обещаю. Ничего страшного не случилось, все хорошо. Иди на кухню и включи две конфорки. На одну ничего не ставь, а на второй вскипяти воду – ему будет нужно попить чего-нибудь горячего. А ты, Мэтью, – она склонилась к нему и коснулась губами его горячей щеки – лежи и не вздумай вылезти из-под одеяла, ясно?

Она порылась в карманах, вынула из сумки другие деньги – пришлось взять все, что было – и выбежала за дверь. Вернулась она только с небольшим пузырьком спирта, который удалось купить у одной соседки. У другой она попросила немного уксуса – на случай, если спирт не поможет.

– На кухне тепло? – первым делом спросила она.

Дебби с готовностью кивнула.

– И вода уже закипела.

Ева постаралась улыбнуться, хотя усталость валила ее с ног, и глаза закрывались сами собой.

– А теперь беги к моей красной сумке и достань бумажный пакетик. Внутри него должны были травы, похожие на зеленый порошок. Положи ложку порошка в кружку и наполни ее кипятком. Если найдешь, чем эту кружку закрыть, будет совсем замечательно.

Дебби помчалась к сумке, а Ева выложила бутылочки на кухонный стол, скинула пальто, и лишь потом прошла в комнату.

Мэтью был перенесен на кухню и устроен на единственном стуле со спинкой. Потом Ева и Дебби разобрали железную кровать и перетащили ее по частям на кухню, где повторно ее собрали. Ушло на это непозволительно много времени – уставший и замерзший от долгого сидения на одном месте Мэтью начал тихонько плакать и жаловаться. Ева сказала Дебби развести спирт водой, а сама принялась застилать кровать. Потом они вместе растирали его крохотные ручки и ножки, молясь, чтобы это помогло. Все это время Мэтью плакал и причитал. Скоро Ева почувствовала, что и сама близка к слезам. Ей редко бывало так страшно, как сейчас. Ответственность за чужих детей и полная растерянность не позволяли ей расслабиться, но перегруженное беготней и работой тело отчаянно требовало отдыха. Она не ела весь день, но сейчас не чувствовала даже голода.

Была уже почти полночь, когда Мэтью, наконец, уснул. Газовая конфорка осталась гореть до утра, и Ева не хотела и думать о том, сколько денег им придется за это заплатить. Сами они отправились в комнату и улеглись в одну постель – Дебби устала не меньше, и сил на возражения у нее также не осталось.

Утром она проснулась пораньше, когда было еще темно. Несмотря на то, что сон тянул ее обратно, Ева поднялась с постели и прошла на кухню, чтобы посмотреть на Мэтью. К ее облегчению, малыш сладко посапывал. Стараясь не разбудить его, она поставила на все еще горевшую плиту ковш с водой и стала готовить овсяную кашу. Денег у нее почти не осталось – пользуясь ее волнением и спешкой, соседи продали ей спирт и укусу по неприемлемо высокой цене. Она уселась на край кровати и опустила голову. Все ее труды пошли прахом.

Еще через день вернулся Адам – он был измотанным и похудевшим, почти таким же, как и они.

Ей не удалось найти работу вчера, и сегодня она могла рассчитывать только на его доброту – он обещал заплатить ей хоть сколько-нибудь. В кармане у нее осталось три доллара, и ей не хватало еще семи, чтобы найти жилье на следующую неделю.

Конечно, ему бросилась в глаза перестановка. Кровать занимала половину кухни и мешала свободно пройти к плите, а в комнате наоборот стало намного просторнее.

– Мэтью немного приболел, и мы перенесли кровать поближе к теплу, – объяснила она, отвечая на его вопросительный взгляд. – Скажу сразу, что газ, наверное, потрачен на приличную сумму. Просто я не знала, что еще мне делать. У меня ведь никогда не было детей, и я…

Адам подошел к кровати, на которой лежал уже повеселевший Мэтью, и склонился над своим сыном.

– Как ты себя чувствуешь, старичок? – проводя ладонью по его животику, спросил он.

Мэтью кивнул:

– Хорошо. Мне хорошо.

– Самое главное, – улыбнулся отец. Затем он повернулся к ней: – Вы его вылечили, а остальное неважно. Я могу заплатить вам двадцать долларов, но если этого…

Она опустила голову и сжала зубы.

– Мне будет достаточно пятнадцати, – сказала она. – Я рассчитывала на десять или семь, если честно. Пятнадцать – это даже много.

С тех пор Дебби стала приходить к ней – иногда Адам отпускал ее, чтобы она могла посидеть с Евой и поболтать о чем-нибудь. Ева поселилась в той самой комнате на первом этаже, и ходить к ней было не так опасно – Дебби даже не приходилось покидать дом и выбираться на улицу.

Ева расплела свой старый свитер и принялась вязать, а Дебби наблюдала за ней и училась сама. По вечерам, когда Ева возвращалась с работы, иногда она заходила к Адаму и забирала Дебби к себе.

До этого момента Ева могла заботиться только о своей матери, но с тех пор как она осталась одна, жизнь на какое-то время опустела и утратила смысл. Зато теперь у нее появились соседские дети – единственные, кому можно было довериться с закрытыми глазами.

Случайные заработки приносили не очень много денег, но вскоре Ева нашла постоянную работу. Она устроилась в прачечную отеля, и ей обещали платить по двадцать долларов в неделю. Этого было вполне достаточно, и поэтому она закрыла глаза на дурную репутацию заведения. В конце концов, кому какая разница, чем зарабатывает на жизнь владелец отеля, если он способен регулярно платить своим работникам? Стандартный день длился с семи утра до шести вечера. Кожа на ее руках стала красной и морщинистой, а локти и плечи ломило от постоянной работы – прачки сами выжимали белье и полоскали его в холодной воде. И все же, Ева ни на что не жаловалась – теперь она могла не беспокоиться о доходах и даже откладывать деньги впрок.

Она продолжала экономить, но иногда желание побаловать детей побеждало, и она покупала им что-нибудь. Однажды она отдала Дебби два красивых носовых платка, а в другой раз подарила ей новые спицы и клубок с пряжей. Иногда в прачечную приносили вещи, оставленные некоторыми посетителями – такие предметы лежали в шкафчике у портье примерно две недели, и если за ними никто не приходил, то их переправляли в служебный отдел отеля. Обычно она ничего не брала, но однажды ей на глаза попалась небольшая дешевая брошь из проволоки и обычных стекляшек. Ева забрала ее себе, а через два дня выменяла на маленькие сапожки – скорее всего, для Мэтью они были еще велики, но у нее была почти готова пара толстых носков, связанных из старой кофты, которую носила еще ее мама.

В тот вечер, когда она отдала носки и сапожки Дебби, к ней спустился сам Адам. У него был усталый вид, но он нашел в себе силы улыбнуться и поблагодарить ее за такой щедрый подарок.

– Вы ведь и сами живете в таком ужасном месте, – сказал он, уже сидя в ее кухне. – Вы могли бы откладывать деньги, чтобы переехать повыше, туда, где будет не так сыро. Хотел бы я помочь вам, но сейчас, сами понимаете – не могу. А Мэтью так давно хочет прогуляться по улице, что я даже не в состоянии отказаться от вашего… не то чтобы я хотел отказаться от подарка, просто…

Мужчина, который не может обеспечить своих детей самым необходимым – самый несчастный человек на земле. Он мучается от того, что страдают его дети, но к этому прибавляются еще уязвленная гордость и ощущение собственной никчемности. Адам испытывал болезненное чувство стыда за то, что не мог купить сапоги, которые были так нужны его ребенку.

Ева выслушала его, а потом сказала:

– На самом деле, я ваша должница. Если бы не вы, я оказалась бы на улице, и никому не было бы до меня никакого дела. А вы дали мне крышу, да еще и приплатили за это. Ваши

дети были добры ко мне, и никто не упрекал меня в том, что я занимаю место и трачу ваши деньги. Вы не обманули меня, а это сейчас такая редкость. У вас замечательные малыши, и я очень хочу хоть чем-нибудь их радовать, пока есть такая возможность. Все так быстро меняется, и думается мне, что мы должны не сомневаться, а просто наслаждаться тем, что у нас пока что есть. Неизвестно, что жизнь отнимет у нас потом.

– Какие страшные слова, – вздохнул Адам. – И тем страшнее, что вы правы. Сколько вам лет, Ева?

– Мне двадцать шесть, – без колебаний ответила она.

– Ну а мне тридцать четыре.

Он был моложе нее, когда родилась Дебби. Мир казался добрым и приветливым, и приводить сюда еще одно беззащитное создание было не так опасно, как сейчас. Когда родился Мэтью, у них с Беккой было почти все, чего они могли пожелать. А потом случился кризис, и они вдруг потеряли все, что имели. Жизнь умеет играть грязно и бить прямо в спину, когда меньше всего этого ожидаешь.

Теперь Адам жалел каждого младенца, рождавшегося в этом городе. У этих детей не было будущего – безрассудные родители не могли дать им даже настоящего.

Она рассказала ему о небольшом рынке, где смогла поменять брошь на сапожки. Знать о таких местах было полезно – при случае там можно было найти что-нибудь подходящее для детей.

– Вы еще молоды, – улыбнулась она. – А жизнь длинная. Никто не знает, что ждет впереди – может быть, станет лучше, а может еще хуже. Я считаю, не стоит ни к чему готовиться и портить себе настроение – нужно просто жить.

– Сейчас только так и получается, – согласился он. – Если есть еда и крыша над головой – этого довольно. Об остальном будем беспокоиться потом.

Адам вернулся домой и осмотрел сапожки еще раз. Они были не самыми теплыми, но зато почти подошли по размеру – толстые носки, которые Ева подарила вместе с ними, должны были заполнить свободное место и защитить ножки Мэтью от холода. Оставалось только достать из тайника шило и моток ниток, чтобы прошить их по кругу и закрыть все прохудившиеся места. Латать дырки в обуви Адам умел еще с детства – это было единственное, чему он успел научиться, когда подрабатывал на каникулах у одного сапожника.

Довольный Мэтью расхаживал в этих сапогах по квартире целый день, представляя, как будет гулять по настоящей улице. Дебби вытащила его старое пальто и заставила его примерить теплые штанишки. Оставалось раздобыть обувь для нее, и они могли бы отправиться на прогулку всей семьей.

Подходящий случай подвернулся через неделю – один работодатель расплатился не деньгами, а мылом. Оставив дома три больших куска, остальное Адам решил обменять на что-нибудь полезное. В том самом переулке, о котором ему рассказала Ева, нашлись подходящие ботинки для Дебби. Как и у предыдущих, у них были небольшие дырки по краям и под носками, но это было легко исправить при помощи того же шила и оставшихся ниток. Через три дня, когда наступило воскресенье, Адам проснулся пораньше и вышел на балкон. В айс-боксе лежал один цыпленок и пара головок лука. Из этого можно было приготовить обед, чтобы после прогулки уже не думать о делах и просто отдохнуть.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.